

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ

С. К. МАКОВСКАГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЛАМЯ ПРАГА

Поводомъ къ этой книгѣ послужила выставка въ Прагѣ «Искусство и бытъ Подкарпатской Руси», организованная прошедшей весною школьнымъ отдѣломъ Ужгородскаго гражданскаго управленія. Собирая предметы для выставки, въ качествѣ ея комиссара и «эксперта по народному искусству», я познакомился съ подкарпатскимъ художественнымъ фольклоромъ на мѣстахъ: отъ Новой Стужицы, крайней сѣверо-западной точки «Верховины» (горный районъ, граничащій съ Польшей на сѣверѣ и переходящій къ югу въ долины «Мармароша»), до главнаго села «Гуцульщины» — Ясины, широко раскинувшей крытыя гонтомъ избы свои и плетни у восточной галиційской границы.

Въ поискахъ всего, что такъ или иначе охватывается рубрикой «народное искусство», болѣе полугода я странствовалъ въ этихъ предѣлахъ, переходя отъ одного населеннаго мѣста къ другому вдоль извилистыхъ рѣчекъ, текущихъ къ Тиссѣ. Большею частью пѣшкомъ: желѣзная дорога пересѣкаетъ страну лишь въ одномъ направленіи, если не считать нѣсколькихъ узкоколеекъ на небольшія разстоянія. Къ тому же и здѣсь, какъ вездѣ, художественно-бытовой колоритъ деревни стирается отъ близости семафоровъ, — поселки и отдѣльные хутора, ютящіеся по отрогамъ Карпатъ въ первозданной лѣсной глуши, крѣпче хранятъ заветы старинныхъ рукодѣлій.

Въ предисловіи къ каталогу выставки я такъ пояснилъ ея задачи: «столько же цѣль научно-педагогическая — собрать музейный матеріалъ для дальнѣйшаго систематическаго изученія домашнихъ ремеселъ Подкарпатской Руси, въ связи со всѣмъ ея укладомъ, — сколько желаніе популяризовать лучшіе образцы этихъ сельскихъ художествъ и вызвать въ широкихъ кругахъ интересъ къ народу, пронесшему черезъ вѣка поработенія традицію своихъ узоровъ и бытовыхъ навыковъ». Миѣ кажется, что это главная задача и настоящей книги, выпускаемой русскимъ издательствомъ въ Прагѣ.

Надо ли добавлять, что, упоминая о наукѣ, педагогикѣ, популяризаціи, я разумѣлъ и тогда, составляя каталогъ выставки, высокую художественную оцѣнку подкарпатскаго фольклора? Но высоко цѣнить творчество деревни не значитъ ли признавать его дѣйственность, способность оплодотворять городскую культуру, какимъ бы архаичнымъ оно ни казалось? Вѣдь народное искусство, въ особенности — еще не обратившееся въ музейное воспоминаніе, а продолжающееся и нынѣ, есть живая сила. Въ наши дни такое искусство не только анахронизмъ, но истинно современное очарованіе, оазисъ плѣнительнаго варварства, съ журчащими ключами, среди сыпу-

чихъ песковъ фабричной цивилизаціи... Красота деревни питается отъ соборнаго духа народнаго, отъ темныхъ его корней, всѣми почвенными соками, трудами безчисленныхъ художниковъ и художницъ, связанныхъ между собою традиціей, изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ незапамятныхъ временъ. Это ли не родникъ дѣлебный для искусства городскихъ центровъ, оскудѣвающаго въ пошлостяхъ мѣщанской рутинѣ или отъ слишкомъ личной выдумки? Слѣдовательно: не чрезмѣрное увлеченіе допустить, что «открытіе» подкарпатской деревни можетъ отчасти повліять на современное декораторство и, во всякомъ случаѣ, — укрѣпить въ чуткомъ зрителѣ добрый вкусъ.

Подлинно-народное искусство дальше всего отъ пошлости. Оно восхищаетъ благородствомъ оттѣнковъ и разнообразіемъ въ каноническомъ своемъ коснѣніи. Никогда не вульгарное, потому что все въ немъ отъ полноты народнаго сердца, и всегда согрѣтое творческимъ чувствомъ, какъ бы ни повторяло стародавнихъ образцовъ. Въ этомъ его обаяніе: оно совмѣщаетъ коллективный навыкъ съ неповторимостью оригинальныхъ произведеній, не индивидуализованное — въ нашемъ, городскомъ, смыслѣ — и въ то же время запечатлѣнное личнымъ акцентомъ. Прочтѣйшіе «штампы» деревни не исключаютъ извѣстной свободы выполненія. Напротивъ, именно отъ свободы — неподражаемая прелесть. Каждый разъ то же самое, но чуть-чуть по иному. Народное искусство связано, какъ никакое другое, предписаніями обычая, инертностью крестьянской души и, какъ никакое другое, илѣняется едва уловимыми условностями, не дѣлаясь ремесленной копіей, не вырождаясь въ бездушный фабрикатъ: ремесло остается искусствомъ. Деревенскій кустарь, въ сотый и тысячный разъ повторяющій предметъ, все же отчасти импровизируетъ, какъ истый художникъ. Въ его работѣ, пусть грубой, пусть до смѣшнаго подражающей тому, что мастерили раньше отцы и дѣды, всегда ощущаешь живую фантазію творца.

Странствуя по Руси Подкарпатской, я видѣлъ тысячи вышивокъ на крестьянскихъ сорочкахъ и собиралъ коллекціи ихъ по многимъ образцамъ изъ одного села, но ни разу, ни одинаго разу не нашелъ я двухъ паръ совсѣмъ одинаковыхъ «наплечниковъ» или двухъ тождественныхъ «фараметликовъ» (вышитая грудь мужскихъ рубахъ). Въ каждомъ случаѣ что нибудь, да не такъ. Тотъ же узоръ... Нѣтъ — разнообразіе, одна изъ безчисленныхъ варіацій на традиціонную тему: здѣсь лишній завитокъ, тамъ двойной рядъ «крестиковъ», утолщеніе или суженіе полосокъ по краю орнамента. Даже тканые полотенца почти всегда «индивидуальны» въ этомъ смыслѣ, хоть и механизованы самой техникой, — ткачи и ткаи подчасъ импровизируютъ не хуже вышивальщицъ.

Удивительна изобрѣтательность кустаря... Не вѣрнѣ ли сказать — непосредственность? Изобрѣтеніе предполагаетъ сознательное побужденіе: «попробую сдѣлать не такъ, а такъ, по новому». Крестьянкѣ, вышивающей наплечникъ, или гончару, рисующему подобіе гвоздики на глиняномъ горшкѣ, хоть и доступно желаніе «по новому», но не имъ вызваны всѣ «индивидуальныя отклоненія» крестьянскихъ подѣлокъ: тутъ — подсознательная творческая воля (сродни дѣтскому фантазерству) художника деревни, претворяющаго себя, свое наивное чувство, свою близость къ природѣ, полной страшныхъ и ласковыхъ чудесъ, вотъ въ эту протянувшуюся зубчатой волной

«кривульку», вотъ въ эти закрученные «бараньими рогами» или развѣтляющіеся «парпортикомъ» стежки на холстѣ. Кто расскажетъ задумчивость какой нибудь верховинской или мармарошской «пѣвѣсты» за вышиваніемъ, у окна замеченной снѣгомъ хаты, въ долгія зимнія сумерки? Какія волшебныя поросли мерещатся ей въ рисункѣ этихъ разбѣгающихся шпанныхъ тропинокъ, и сколько скрытыхъ думъ, печальныхъ и радостныхъ, вкладываетъ она въ свою работу? Потому такъ трогаетъ насъ эта работа, помимо авторской снѣси, помимо сознанія насыщенная жизнью сердца. И потому не переходитъ въ трафаретное ремесленничество, даже когда выполняется для продажи, а не на домашнюю потребу.

Отношеніемъ къ труду объясняются и другія качества произведеній, созданныхъ мозолистыми руками деревни: техническая прочность, соответствие формы матеріалу, цѣлесообразность. Эти качества такъ взаимно связаны въ данномъ случаѣ, что и не мыслятся отдѣльно. Творческая непосредственность въ рамкахъ вѣкового преданія — не значить ли прочность, добротность? Можетъ ли быть недобротей предметъ, созданный по примѣру столькихъ предшественниковъ, особенно ежели для себя, для своего дома? Бываетъ ли непрочно то, во что вложены неслыханные часы душевнаго бытія? Городъ хитеръ, деревня крѣпка, да и не сравнить ни съ какимъ просвѣщеннымъ умѣніемъ ловкость и силу деревенскихъ рукъ. Унаслѣдованные деревней техническіе навыки обслуживаются по большей части простѣйшими орудіями, зато какой старинный опытъ! Неторопливы эти навыки, дружные съ величавой поступью вѣковъ. Кустарь не скупится на время. Спѣхъ, небрежность начинаются съ массовой фабрикаціи, хотя бы и кустарной, и это — городского зараза. Въ деревнѣ времени достаточно, и течетъ оно медленнѣе, чѣмъ въ городахъ: мысль о быстрой наживѣ не затмѣваетъ радостей труда, завершеннаго до мельчайшихъ, «ненужныхъ» подробностей. Этой заботливой отдѣлкой, подчасъ какъ будто даже излишней, народное искусство умиляетъ не меньше, чѣмъ добротностью своей. И то и другое — отъ щедрости чувства и отъ богатства досугомъ, а также, конечно, и отъ мудрой расчетливости: стоитъ ли дѣлать на живую нитку и не надолго? Прямая выгода — мастерство крѣпкое, безупречное, чтобы сносу не было, и недочеты никогда не кололи глазъ.

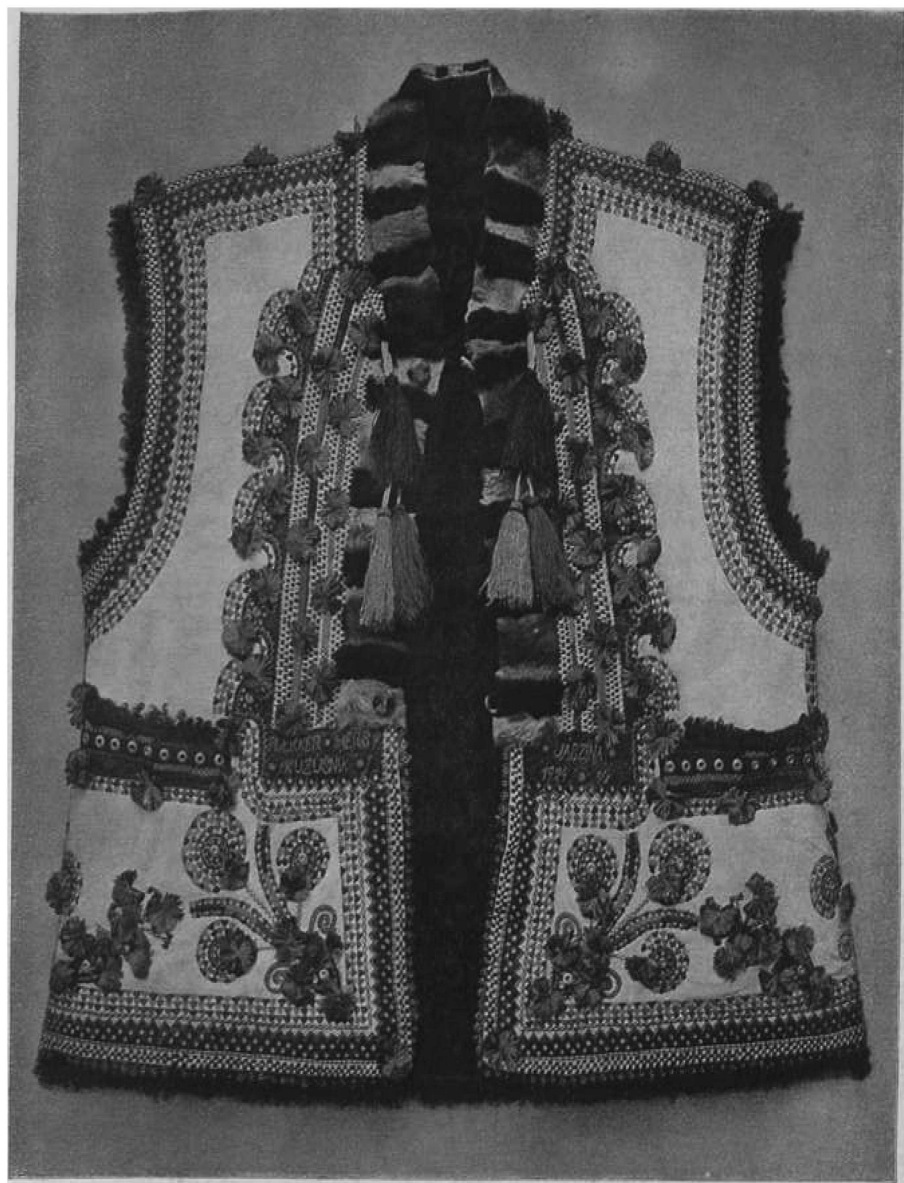
Но если предметъ рассчитанъ на долговѣчіе, можетъ ли фальшивить матеріалъ, можетъ ли не отвѣчать ему форма? Вѣдь прочность отчасти и обусловливается согласіемъ между матеріаломъ и формой. И далѣе: не является ли такимъ же важнымъ условіемъ прочности цѣлесообразность предмета? Безспорно: у красоты есть своя логика, связывающая искусство съ матеріаломъ, съ прочностью и съ назначеніемъ, — красивое должно отвѣчать своему назначенію. Народное искусство и въ этомъ отношеніи почти всегда урокъ вкуса. Формы его отвѣчаютъ жизненному смыслу. Ничего — на показъ, для виѣшняго эффекта, для излишества. Если бываетъ декоративная несдержанность и даже уродливая диспропорціональность, то это непремѣнно оправдывается бытовой обстановкой, вѣрованіемъ, суевѣріемъ, какимъ нибудь глубоко въѣвшимся пережиткомъ, какой нибудь издали дѣйствующей исторической причиной. По общему же правилу, искусство деревни тяготеетъ къ соразмѣрности и къ скромности.

Въ этихъ добродѣтельныхъ красоты никакъ не откажешь подкарпатскому художественному фольклору. Тѣмъ болѣе заинтересовываешься имъ... не только «этнографически». При выборѣ предметовъ на пражскую выставку, а затѣмъ для настоящаго изданія, я и поступалъ, какъ эстетикъ, которому близка этнографія, поскольку она открываетъ новыя области прекраснаго... Ремесла Подкарпатской Руси, прелесть ея вышитыхъ, тканыхъ и рѣзанныхъ узоровъ, такъ же, какъ пѣсни ея, легенды и сказки, развѣ не таинственная сокровищница?

Таинственная, потому что почти не обследованная до сихъ поръ. Ни съ этнографической, ни, тѣмъ болѣе, съ историко-художественной точки зрѣнія. Научная литература по вопросу, можно сказать, отсутствуетъ. Были попытки, но онѣ или не доведены до конца (мадьярскими фольклористами, наиболѣе освѣдомленными), или посятъ характеръ случайности. Довольно много написано о подкарпатскихъ деревянныхъ церковкахъ и, надо сознаться, много дилетантскаго, но это чуть ли не все. Предметами домашняго обихода и деревянной рѣзьбой заинтересовалось нѣсколько украинскихъ и чешскихъ художниковъ, — путевые рисунки ихъ, однако, оставались подъ спудомъ. Не появилось въ печати и систематическаго, по округамъ и селамъ, описанія одеждъ и украшеній (тѣмъ цѣннѣе краткій обзоръ М. Тумовой, приложенный къ каталогу пражской выставки и дополняющій отрывочныя свѣдѣнія, собранныя А. Кожмицкой и много лѣтъ раньше — Я. Головацкимъ и Г. Бидерманомъ)¹. Наконецъ, вышивки и ткани, столь характерныя для Подкарпатской Руси, не были подвергнуты стилевому анализу, и не рѣшался серьезно любопытнѣйшій вопросъ о ихъ происхожденіи, въ связи съ несомнѣнной восточностью всего русскаго народнаго орнамента.

Между тѣмъ, «русскій стиль» Подкарпатя, главнымъ образомъ — стиль костюма и вышитыхъ узоровъ, обладаетъ глубокими корнями, помимо всѣхъ болѣе или менѣе явныхъ заимствованій у сосѣдей (иногда и совсѣмъ недавнихъ), помимо разныхъ историческихъ нарословъ и занесенныхъ модъ. Я разумѣю также тѣ корни, что уходятъ въ какую то, отчасти общую для всего славянскаго фольклора, древнюю почву...

Проблема заманчива. Хочется знать, куда, въ какую даль ведутъ тропы этой узорной традиціи, столь говорящей русскому сердцу и, вмѣстѣ, вѣющей восточной пестрядью, древними царствами, приливами азійскихъ ордъ. Куда?.. Не къ мадьярскимъ поработителямъ, тысячу лѣтъ назадъ, — заимствованія отъ нихъ очевидны, но знаменательнѣе то, что не отъ Венгровъ... Куда же? Къ походнымъ кибиткамъ какихъ кочевниковъ, наводившихъ ужасъ на европейское средневѣковье? Не къ Парфиямъ ли и Сарматамъ, какъ думалъ еще Г. Вейсъ, авторъ извѣстной *Kostümkunde*, къ берегамъ Меотиды, Танаиса, Тираса, нижняго Истра, въ воинственную Аланію², въ скифскія равнины, туда, гдѣ славянскія племена, еще задолго до нашествія Готовъ, Гуновъ, Хозаровъ, Угровъ, Половцевъ, Татаръ, смѣшивались съ Финнами, населявшими когда то громадныя пространства отъ Балтійскаго и Бѣлаго морей до верховья Днѣпра? Не ведутъ ли эти тропы и дальше вглубь баснословнаго Востока: по карпатскимъ скатамъ къ Черному морю — на омусульманенную древнюю родину Черкесовъ, Кавказъ, и въ Среднюю Азію степью Киргизовъ, и

туда, къ колыбели народовъ, вратами великихъ миграцій, къ голубымъ горамъ Алтая, въ родоначальные просторы Ирана, Индіи, Тибета, Монголіи?

Впрочемъ, этотъ вопросъ о *древнемъ происхожденіи* весьма сложенъ и, при современномъ состояніи художественной этнографіи, врядъ ли разрѣшимъ. Недостаточно обследовано пока не одно подкарпатское захолустье, но вся территория, занимаемая западнымъ славянствомъ (Галиція, Буковина, Болгарія, Сербія, Хорватія Чехословакія и пр.). Надлежало бы, приведя въ яеность и расчленивъ стилистически этотъ огромный матеріалъ, сравнить его съ достояніемъ деревни на нашемъ великорусскомъ и малорусскомъ востокъ. Лишь тогда нащупались бы эти въ глубь вѣковъ уходящіе корни. Корни подкарпатскаго народа въ частности, если и не теперешняго населенія, — ибо вопросъ о его мѣстной древности остается открытымъ послѣ историческихъ справокъ А. Петрова³, — то корни воспринятой имъ художественно-бытовой культуры. Сейчасъ время для отвѣта еще не настало. Нужна кропотливая предварительная работа для того, чтобы накопленный матеріалъ представилъ въ подлинно исторической перспективѣ. Вѣдь рѣшеніе, предложенное въ свое время В. В. Стасовымъ — о финско-персидскомъ происхожденіи русскаго орнамента, — не можетъ считаться окончательнымъ⁴.

Прежде всего обнародованіемъ матеріала является и настоящій трудъ, матеріала, только до извѣстной степени систематизованнаго. Еще при устройствѣ пражской выставки, собранныя коллекціи были распределены по географическимъ районамъ, согласно съ характернѣйшими разновидностями подкарпатскаго фольклора. Если границы этихъ несуществующихъ на картѣ округовъ не вполне совпадаютъ съ идеальной картой художественно-этнографическихъ границъ Подкарпатя (которую еще предстоитъ начертить) и ужъ конечно совсѣмъ не совпадаютъ съ племеннымъ разслоеніемъ въ странѣ, то онѣ отвѣчаютъ въ общихъ чертахъ дѣйствительной группировкѣ «угорскихъ русиновъ» по сродству вкуса. Да врядъ ли представляють въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе племенные оттѣнки. Гораздо существеннѣе вліяніе географическихъ и климатическихъ условій и большая или меньшая обособленность отъ сосѣдей.

Вышивки и отдѣльныя части костюма всего нагляднѣе мѣняются по районамъ и даже селамъ, и это понятно, если принять во вниманіе, что одежда крѣпче связана съ мѣстомъ, чѣмъ, напримѣръ, деревянныя издѣлія или керамика. Тарелки хустовскихъ кустарей украшаютъ избы чуть ли не по всей Верховинѣ, «гуцульскій» деревянный крестъ найдешь въ церкви любого прихода, отъ Ставы до Требуши, но какое нибудь различіе въ швѣ или въ характерѣ вышитаго на сорочкѣ узора приводитъ въ изумленіе бабу изъ дальняго села, гдѣ споконъ вѣковъ — другіе швы и подробности узора, прочнымъ обычаемъ прикрѣпленные къ мѣсту.

Издаваемая здѣсь вышивки выбраны мною изъ тысячъ варіантовъ и даютъ въ цѣломъ сказу типичныхъ образцовъ по районнымъ разновидностямъ. При этомъ почти полностью исключены узоры, явно чужіе, вслѣдствіе чего въ книгѣ не представлены цѣлые округа, гдѣ древнѣйшіе мотивы почти вытѣснены словацкой, мадьярской, румынской модой.

Надо различать четыре главных района съ соответствующими разновидностями вышивокъ. Во первыхъ — *верховинскій*: вышивка «крестомъ», съ преобладаніемъ красныхъ, синихъ и черныхъ нитокъ. Районъ этотъ тянется по отрогамъ Лѣсныхъ Бескидъ, вдоль границы съ Польшей, отъ селъ Стужица, Любна, Быстра Верховина, Ужокъ и дальше на юго-востокъ, по верховьямъ рѣкъ Ужъ, Латорица, Вича, черезъ села Ростока, Нижніе Верецьки, Воловецъ, Подбовець, Прислопъ, до Соймы (надъ Воловымъ). Въ своей западной части этотъ горный районъ ограничивается долинами Ужа и Туріи, а въ восточной — долинами Боршавы и притоковъ Тиссы: Рики, Теремли, Терешвы. На Верховинѣ принято отличать «Бойковъ» въ полосѣ, пограничной съ Польшей, отъ «Лемковъ» (ближайшихъ родственниковъ галиційскимъ — съ Низкаго Бескида), живущихъ у истоковъ Латорицы, въ селахъ Рѣпенное, Рична, Киличенъ, Иски, Пилипецъ, Гукливое, Вышнее Студеное, Подбовець, Кисольва, Воловецъ и дальше къ Мукачеву по верховью. Они именуются Лемками, или Лемаками, по признаку діалектической детали: вмѣсто *только*, говорятъ *лемъ* (напр.: у меня *лемъ* крова). По аналогіи, ихъ сосѣдей въ районѣ Воловое-Хустъ зовутъ «Лишаками», отъ слова *лишь*. Населеніе же дальше на юго-востокъ, по верховьямъ Тиссы, принято называть «Гуцулами».

Верховина — самый бѣдный, нехлѣбородный, вообще культурно отсталый край. Сплошь да рядомъ курныя избы, люди и животныя вмѣстѣ, отдѣленные перегородкой, недоходящей до потолка; хлѣбъ — кукурузный или лепешки изъ овсяной муки; на одежду цѣнка грубой выдѣлки. Есть менѣе бѣдныя мѣста, но типична бѣдность. Женщины носятъ по большей части короткія сорочки съ косымъ воротомъ и юбки, а мужчины заправляютъ рубахи въ порты. Характерны женскіе чепцы, остатокъ старѣйшей моды.

Долина рѣки Туріи, — отъ села Ворочева черезъ Турію-Ремету, Турію-Пасѣку, Порошково, Плоцкое, до Голубиного близъ гор. Свальявы, — даетъ нѣсколько иной, *турьянскій* типъ вышивки, съ характерной игрой чернаго узора и цвѣтныхъ вкрапинъ и разнообразіемъ швовъ: «крестъ» постоянно смѣняется петельками бѣлой ниткой, «оплетачкой», вырѣзью, стежками гладью. Выкройка короткой женской сорочки тоже иная. Турьянская вышивка изысканно скромна, — въ нѣкоторыхъ селахъ рукава и ворота рубахъ, особенно мужскихъ, отгнѣнены ею едва замѣтно. Вышивка, похожая по характеру, но еще менѣе «видная», съ преобладаніемъ бѣлага узора по бѣлому, украшаетъ мужскія сорочки и на Мармарошѣ, а въ долині Терешвы (Нересница-Бедевле) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, у Долишнянъ, вообще преобладаетъ.

Въ районѣ Туріи крестьяне гораздо состоятельнѣе верховинскихъ, послѣ горцевъ сѣвера они кажутся богачами. Это отразилось и на домашнихъ промыслахъ. Нынче городъ вытѣсняетъ ихъ, но не такъ давно еще вся мѣстность славилась домо-ткашемъ и деревянной рѣзью. Память объ искусныхъ рѣзчикахъ жива по сей день, и стоитъ обойти избы, одну за другой, какъ я это сдѣлалъ по пути изъ Ворочева въ Свальяву, чтобы увидѣть скрини, столы, ложки, прѣлки и разныя мелочи, украшенныя незамысловатымъ, но «подлиннымъ» орнаментомъ.